
ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 34.023

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ РЕБЕНКА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ*

Н.Н. Тарусина, Е.В. Конева, С.В. Симонова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 января 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Ребенок, правоспособность,

дееспособность, сфера

применения, возраст,

психологические характеристики,

дифференциация, обязанности

Исследуются актуальные правовые аспекты содержания правосубъектности ребенка различных возрастных категорий, прежде всего его дееспособности, относительно сущности и дифференциации объема которой имеются далеко не всегда обоснованные различия в отраслях российского законодательства – частных и публичных. Анализируется значение нормативно-правовых предписаний об охране его интересов до рождения. На основе обобщения норм различных отраслей российского и зарубежного законодательства, наделяющих ребенка определенными юридическими обязанностями, выявляется необходимость включения данной конструкции и в семейное законодательство. Выводы подкрепляются данными психологической доктрины об особенностях развития ребенка в зависимости от возраста и иных факторов.

CHILD'S LEGAL PERSONALITY: ACTUALIZATION OF OPPORTUNITIES AND THEIR LIMITATIONS**

Nadezhda N. Tarusina, Elena V. Koneva, Snezhana V. Simonova

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Article info

Received –

2022 January 10

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Child, legal capacity, legal

decision-making competency,

scope, age, psychological

characteristics, differentiation,

duties

The subject of this research is the concept of a child's legal capacity in an interdisciplinary context and the validity of various approaches for determining the essence and scope of a child's legal capacity in terms of Russian public and private legislation and to provide suggestions for improvement.

Methodology: The authors' general research methods for cognition are: analysis, synthesis, and abstraction. This research is also based on legal acts and judicial practice, as well as on the opinions of scientists.

Results: On the one hand, differentiations in terms of the essence, structure and scope of a child's legal capacity within the branches of Russian law are justified according to the specifics of their subject and methods of legal regulation. On the other hand, the differences in approaches presented in them, especially according to age criterion, are far from universally justified, and this is especially characteristic of the active component of legal personality – or legal capacity. Thus, 14 and 16 are the ages of legal capacity in terms of constitutional law; 6, 14 and 16 for civil law; 14, 15 and 16 for labour law; 15 for medical law; 10, 14, 15, 16 for family law; etc. The law on education does not indicate any age benchmarks, being oriented towards the school education periods. At the same time, the lower boundaries of 'minimal legal capacity' are established only for the sake of civil legal relations and administrative and criminal liability. In other cases, in the assessment of a child's ability to make legally significant decisions, the law enforcement officer considers a

* Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-К-1-Г-2/2021.

** The reported study was funded by YSU Programme according to the research project No. P2-K-1-G-2/2021.

child's individual psychological characteristics. Typically this approach proves to be correct. Psychological data indicate the development of an acceptable level of cognitive ability by the age of 12; therefore, the formally enshrined concept of child consent to certain legally significant acts beginning at the age of 10 requires discussion and possible adjustment. The ages of 14 and 16 as starting points for basic elements of the legal capacity (legal personality) are reasonable and must be applied systematically; other intermediate solutions are not justified. In terms of a generally correct decision with regard to the moment when the age of legal capacity begins, it would be reasonable to correlate this with the protection of a child's interests before his/her birth. There is no unified approach to understanding a child's ability to perform legal duties: in civil law such ability is denied, while in other legal spheres it exists. As for family law, it should be assimilated into the general group.

Conclusions: the concept of a child's legal capacity requires systematization and enhancement as a prerequisite for a reasonable and justified arrangement of children's world – both within the family and in the public sphere.

1. Введение

Среди актуальных и значимых предпосылок систематизации информационного пространства вокруг ребенка – проблема выстраивания адекватной конструкции его правосубъектности. Означенная проблема исследуется в доктрине преимущественно с точки зрения сущности и объема его статуса, прежде всего семейно-правового (Н.В. Летова [1], А.М. Нечаева [2], Н.Н. Тарусина [3; 4], Н.А. Темникова [5] и др.), момента возникновения правоспособности (Н.И. Беседкина [6] и др.), а также дееспособности – гражданской, семейной, гражданско-процессуальной (Е.Л. Невзгодина [7], А.Е. Тарасова [8] и др.). При этом не представлен системный анализ нормативных решений относительно данной конструкции в различных отраслях российского законодательства, не коррелирующих между собой в этом вопросе. Явный протест в доктрине вызывает идея о внедрении конструкции обязанностей ребенка. На уровне эпизода исследуются означенные позиции во взаимодействии с психологической доктриной (достижения последней преимущественно используются в рамках судебно-экспертной проблематики сугубо прикладного назначения).

2. О моменте возникновения правоспособности

Относительно момента возникновения правоспособности ребенка в доктрине солидарны с позицией российского законодателя: таковая возникает с рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Однако поскольку, во-первых, в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹ объявляется необходимость его

правовой защиты и до рождения, это предполагает некоторое уточнение. Во-вторых, законодательство ряда стран к означенной конвенционной позиции присоединяется [6]. В-третьих, и российская нормативистика обеспечивает охрану интересов nasciturуса. Непосредственно это фиксировано в нормах ст. 1088, 1116 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ. Опосредованно охрана осуществляется в медицинском, трудовом, социально-обеспечительном, уголовном, семейном законодательстве с помощью установления ограничений и льгот. Полагаем, что в гл. 11 «Права несовершеннолетних детей» Семейного кодекса (далее – СК) РФ следует ввести корректирующую норму (например, ст. 54 дополнить ч. 2: правоспособность ребенка возникает с момента рождения; в предусмотренных федеральным законодательством случаях охране подлежат его интересы и до рождения).

3. О правоспособности и дееспособности

Правосубъектность ребенка, и особенно ее юридически активный компонент – дееспособность, в зависимости от принадлежности данной конструкции к той или иной отрасли права, содержательно различаются (поскольку правоспособность возникает с рождения, ее прикладной контекст ограничен). В значительной мере означенная дифференциация оправдана, однако межотраслевая корреляция конструкции правосубъектности несовершеннолетних, на наш взгляд, всё же необходима.

Так, для науки конституционного права не вполне типично рассмотрение правоспособности и дееспособности как самостоятельных элементов

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

конституционной правосубъектности, хотя отдельными учеными и утверждается, что такой подход не оправдан спецификой конституционных прав [9, с. 17–19], так как особенности возраста учитываются в содержательной динамике означенной конструкции [10, с. 41–43]. Стартуя с момента рождения, наиболее значимыми компонентами конституционная правосубъектность несовершеннолетних наполняется в 14 и 16 лет [11, с. 221–223]. Так, с 14 лет согласие ребенка становится необходимым условием приобретения или прекращения им российского гражданства², с этого возраста ему также открываются возможности участия в реализации молодежной политики³. В то же время в соответствии с законодательством, например, о местном самоуправлении, возрастной ценз участия несовершеннолетних в реализации консультативных форм муниципального народовластия связан с более старшим возрастом – 16 лет⁴. С этого же возраста возникает право выступать организатором собраний и митингов.

Как видим, по мере взросления (и формирования личности) несовершеннолетние наделяются законодателем большим спектром возможностей по реализации ключевых гражданских свобод – свободы мнений, объединений, собраний и участия в осуществлении публичной власти. Однако в науке по-прежнему остается дискуссионным вопрос о том, в каком виде существуют отмеченные свободы до достижения индивидом возраста 14 / 16 / 18 лет – в состоянии «усеченных» по своему содержанию прав (компонент правоспособности) либо в состоянии ограниченных возможностей их реализации (компонент дееспособности). Например, некоторые ученые отрицают возможность признания детей субъектами свободы мнений из соображений ограниченных возможностей ребенка по совершению осознанного выбора. С другой стороны, критики данной концепции справедливо обращают внимание на то, что специфика осуществления ребенком своих прав еще не означает отсутствие этих прав, а само по себе признание ребенка субъектом свободы мнений вносит вклад в развитие ребенка как личности и гражданина [12, с. 29–30]. Этот вклад имеет особое значе-

ние в рамках взаимосвязи свободы слова и права на информацию, а последнее является одной из предпосылок для реализации значительного числа иных конституционных прав [13, с. 83].

В целом отсутствие четкой законодательной позиции в отношении возраста обладания и осуществления некоторых гражданских свобод имеет совершенно неожиданный эффект в сфере свободы собраний. Хотя законодатель и не ограничивает возраст участников публичных мероприятий (что приветствуется конституционалистами [14, с. 53–54]), положения ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которыми вводится административная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированном публичном мероприятии, проецируют снижение соответствующей активности детей [15, с. 55, 58].

В зарубежной правовой доктрине предложена концепция, в рамках которой все оттенки детского участия в общественной жизни рассматриваются в виде ступеней так называемой «лестницы участия». Ее уровни начинаются с различных форм манипуляций детским мнением (например, вовлечение в политические мероприятия по «взрослым» вопросам социальной жизни) – до истинных и осознанных проявлений детской активности, инициируемой и направляемой самими детьми [16, р. 6–13]. Логично, что законодательное регулирование должно сдерживать проявления первых форм и создавать условия для развития осознанных форм участия, занимающих высшие ступени «лестницы». Например, в настоящее время в России отсутствует комплексный подход, направленный на адресное создание условий для развития детской гражданской активности в Интернете. Напротив, меры в направлении реализации права на безопасность в цифровой среде предпринимаются, причем в последние годы эти меры выходят на новый уровень, озаглавленный развитием сотрудничества государства с цифровыми корпорациями (в 2021 г. интернет-компаниями в России подписана Хартия «Цифровая этика детства»⁵). Однако многие вопросы, касающиеся обеспечения лич-

² Часть 2 ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031).

³ Статья 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28).

⁴ Часть 2 ст. 26.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822).

⁵ См.: Хартия «Цифровая этика детства» // Альянс по защите прав детей в цифровой среде. URL: <https://internet-forkids.ru/charter/> (дата обращения: 20.12.2021).

ной безопасности индивида в цифровой среде, всё еще требуют законодательного внимания [17, с. 26–28], в том числе в контексте соразмерности действий по защите безопасности, здоровья и развития детей, чтобы не создавались непреодолимые барьеры реализации иных прав. В связи с невозможностью полного отождествления интересов родителей и детей в цифровой среде на законодательном уровне следует предусмотреть дополнительные гарантии защиты ребенком своего права на персональные данные и права на доступ к информации [18, с. 32].

В классической цивилистике правосубъектность (в контексте ее активного компонента – дееспособности) выстраивается несколько иначе. ГК РФ в нормах ст. 21, 26, 28 дифференцирует ее в 6, 14 и 16 лет. При этом «минидееспособность» и статус 6-летнего не являются очевидными конструкциями: в доктрине отмечается, что далеко не все действия по совершению формально допустимых для него сделок могут им реально совершаться, т. е. в этом смысле часть возможностей квалифицируется в качестве декларативных и практически игнорируемых [7, с. 129–135]. Видимо, этот аспект дееспособности требует уточнения. Правило п. 2 ст. 54 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предписывает испрашивать информированное согласие на акты медицинского вмешательства не с 14, а с 15 лет. Норма ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отличается неопределенностью: обучающиеся (без указания возраста) обязаны осваивать образовательную программу, выполнять требования локальных актов образовательного учреждения, уважать честь и достоинство других обучающихся и работников и т. д. И апофеоз: за неисполнение ряда обязанностей (перечислены в п. 4 ст. 43) обучающиеся (кроме дошкольного возраста и младших классов) подлежат дисциплинарной ответственности (п. 5 ст. 43) – это уже далеко не «минидееспособность». В сфере труда акцент сделан на 16-летнем возрасте (ст. 20 Трудового кодекса (далее – ТК) РФ), однако при допущении, на определенных условиях, труда с 14 и 15 лет, а также и в более младшем возрасте (ст. 63 ТК РФ). При этом, несмотря на «генетическую связь» трудового права с правом гражданским, в трудовом праве вопрос о дееспособности как самостоятельной компоненте трудовой правосубъектности остается дискуссионным, а прямое применение цивилистической конструкции дееспособности

14-летнего в качестве общего правила – нецелесообразным [19, с. 163–166].

Норма ст. 2.3 КоАП РФ для привлечения к административной ответственности определяет минимальный возраст в 16 лет (при его индивидуализации – с учетом уровня развития и других особенностей несовершеннолетнего). В соответствии с предписаниями ст. 20 Уголовного кодекса РФ общий возраст уголовной ответственности установлен в 16 лет, а за особо тяжкие преступления – с 14 лет (с допущением освобождения от нее вследствие отставания лица в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, его неспособности в полной мере осознавать значение своего поступка и руководить своими действиями). Судя по законодательным текстам, это единственные случаи прямого закрепления возможности дифференциации деликтоспособности несовершеннолетнего гражданина именно в зависимости от уровня осознания своего поступка, вплоть до освобождения от таковой. Гражданско-правовой контекст дифференциации ответственности, напротив, основан на формальных критериях (ст. 26 и 1074 ГК РФ).

Не вполне обоснованная возрастная дифференциация наблюдается и внутри семейного законодательства, которое объективно содержит наиболее богатый ассортимент позиций. СК РФ фиксирует несколько возрастных точек отсчета: до 10 лет мнение ребенка по вопросам семьи, затрагивающим его интересы, уполномоченными субъектами принимается во внимание; с 10 лет это мнение учитывается в обязательном порядке, с обоснованием принятия административного или судебного решения, не совпадающего с позицией ребенка [20, р. 25–29], с этого же возраста в юридический оборот запускается конструкция обязательного согласия ребенка на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ). При этом «правовые качели» в семейном законе используются весьма активно и затейливо. Так, несовершеннолетний родитель внебрачного ребенка вправе самостоятельно предъявлять иск в суд об установлении своего отцовства с 14 лет (ст. 62 СК РФ), а несовершеннолетний (даже и старше 14 лет) – обращаться с иском о судебном отыскании своего внебрачного отца вообще не вправе (ст. 49 СК РФ). Минимальный возраст «взрослого родителя» в браке может наступить в 14 лет, а вне брака – в 16 (ст. 62 СК РФ). В перечень случаев, требующих обязательного согласия ребенка с 10 лет, не включаются вопросы реализации права родственников на общение с ребенком и на оспаривание / установление отцовства

другого лица (в ситуации, когда положительное решение может разрушить благополучную семью). Следует также заметить, что региональная дифференциация правила о снижении брачного возраста ниже установленного федеральным законодательством (ч. 2 ст. 13 СК РФ) в большинстве случаев отнюдь не обусловлена, как это было задумано законодателем, национально-культурной спецификой территорий, поскольку разнообразие (14 или 15 лет) наблюдается повсеместно. Поскольку же заключение столь юного брачного союза ведет к приобретению полной гражданской дееспособности, мы имеем очевидную необоснованную «разногололицу» в этом вопросе, которую можно квалифицировать как юридический нонсенс. Очевидно также, что далеко не все дети 10-летнего возраста способны самостоятельно принимать сколько-нибудь обоснованное решение по тем или иным семейным вопросам, хотя некоторые из них соответствующими психологическими предпосылками обладают. Определенные сомнения возникают и в адрес 14-летнего. Однако в этом-то и состоит не психологический, а именно «юридический фокус»: в одних случаях законодатель этими соображениями и сомнениями руководствуется, а в других, сходных по сущности и значимости, – нет. Несистемный подход законодателя удручает. В то же время, в отличие от гражданско-правового решения об установлении минимального возраста в 6 лет, в семейно-правовой сфере, в которой доминируют отношения личного характера, мы бы воздержались от формального подхода, сосредоточив акценты на оценке индивидуальности ребенка и ситуации вокруг него.

Самостоятельная защита несовершеннолетним своих прав и интересов, инициативное заявление своего мнения в суде (или по решению суда) в рамках гражданского (да и административного) судопроизводства до настоящего времени не сопряжена с четкой фиксацией процессуальной правосубъектности. Так, нормы ст. 37 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ явным образом устанавливают лишь процессуальное положение полностью дееспособного несовершеннолетнего гражданина, в остальных же случаях дается указание о представительстве интересов ребенка и о возможности привлечения в процесс самого ребенка – с 14 лет, до указанного возраста как само участие в судебном разбирательстве, так и статус ребенка не определены. В доктрине это подвергается справедливой критике [21, с. 67], однако решение до сих пор не принято. Разумеется, оно, в проектом плане, должно учитывать

и психотравмирующий контекст означенного участия [22, с. 44]. Данная правовая неопределенность требует устранения либо в рамках норм ст. 37 ГПК РФ, либо путем внедрения в процессуальные кодексы специальной главы об особенностях участия несовершеннолетних в судебном процессе.

Проблема критериев степени «взрослости» ребенка, будучи по сути юридической, прямо затрагивает и область психологической науки, занимающейся закономерностями развития человека. То, что формально закрепленный возраст (прежде всего – 14 лет) не дает убедительного представления о когнитивных и поведенческих особенностях, не требует доказательств. Соответственно, для определения степени дееспособности необходимо искать психологический аналог юридическому понятию, для чего в психологической науке выработан алгоритм, согласно которому существуют так называемые экспертно-психологические понятия. Они представляют собой результат адаптации юридической феноменологии и терминологии к возможностям психологической диагностики. Последняя работает с показателями, которые поддаются измерению с помощью психодиагностических методик и могут служить средством выявления степени дееспособности несовершеннолетнего индивида в отношении тех или иных требований или возможностей, которые определены законодательством. Данная экспертная задача систематически решается в основном в рамках уголовного права [23, с. 229], но она требует рассмотрения и применительно к иным видам дееспособности несовершеннолетних. Эволюция ответственности завершается у человека в период ранней юности. Условиями формирования ответственности являются те обязательства, которые сначала родители, а потом социум накладывают на ребенка [24, с. 5]. Это не отменяет индивидуальной вариативности в становлении тех психологических структур, которые обеспечивают правовую дееспособность (восприятия, памяти, мышления, рефлексивных способностей, мотивации) [25, р. 723–725], что возвращает нас к вопросу о необходимости выработки психологических критериев и показателей данного комплекса индивидуальных особенностей для обеспечения проектирования правовых новелл и их реализации. Необходимо иметь в виду и те условно нормативные психологические новообразования, которые свойственны возрастному развитию в разные его периоды. Так, возраст 10 лет, являющийся своеобразной точкой отсчета для определения, например, способности детей выбирать место жительства

с отцом или матерью, тем более – выстраивания позиции в рамках конструкции согласия на усыновление / удочерение и т. п., принадлежит к тому периоду возрастного развития, который определяется как «младший школьный возраст» [26, с. 55]. Этот период – время интенсивного формирования у человека абстрактного мышления, при этом процесс этого формирования в данном возрасте не заканчивается. По сути, говорить о развитом абстрактном мышлении мы можем начиная с подросткового возраста, т. е. приблизительно с 12 лет. Для юридической практики данное обстоятельство, на наш взгляд, принципиально. Отвечая на соответствующие вопросы суда или экспертов, дети обычно ориентируются на внешние, несущественные детали той реальности, которой посвящено судебное разбирательство. Следовательно, необходимо продолжить размышление в юридической доктрине (во взаимодействии с психологической) о возможной корректировке возрастного «размаха» при определении содержания и объема детской и подростковой дееспособности, например, об увеличении по некоторым позициям возраста лица, интересы которого этими позициями затрагиваются, до 12 лет, если следование этим законодательным нормам требует от человека развитого когнитивного потенциала. Причем речь идет не только о мышлении. Немалую роль играют характеристики внимания. Принятие решения по многим вопросам, связанным в том числе с семейным статусом человека, требует учета значительного количества обстоятельств, связей, последствий. Применительно к абстрактным правовым нормам эти особенности внимания также предполагают высокий уровень развития, несвойственный детям младшего школьного возраста.

4. Об обязанностях

Своеобразное противостояние семейного закона другому отраслевому законодательству о содержании правосубъектности ребенка наблюдается в вопросе применимости к нему конструкции обязанности. Так, в гл. 11 СК РФ, посвященной ребенку как субъекту семейного права, ни разу не упоминается о каком бы то ни было его должностовании перед родителями и другими законными воспитателями. Абсолютное большинство цивилистов полагает данную позицию верной ввиду недееспособности ребенка. Между тем с означенной позицией не наблюдалось согласия еще в советской цивилистике: фиксация в кодексе прав родителей по отношению к детям явным образом должна свидетельствовать о возложении на последних обязанностей,

корреспондирующих этим правам; родителям, по умолчанию закона, разрешено применять к детям непротивоправные методы воспитательного воздействия – значит, налицо «правовая охрана возлагаемых на детей обязанностей» [27, с. 238–239].

Поскольку в СК РФ, как мы уже отметили ранее, элементы дееспособности ребенка явно усилены, тезис об отсутствии у него таковой дееспособности как решающего аргумента к тезису о недопустимости возложения на него обязанностей не работает: не бессознательно же 10-летний ребенок в форме обязательного письменного согласия выражает свое отношение к ряду семейно-правовых актов; в 14 лет несовершеннолетний, продолжая оставаться «ребенком» (ст. 54 СК РФ), принимает значимые решения в сфере брака, внебрачного родительства, а также защиты своих прав и интересов (ст. 57 СК РФ). Данному тезису противостоят также означенные нами ранее положения о дисциплинарной и уголовной ответственности. Или, в угоду доминирующей точке зрения, подобные юридические фиксации следует квалифицировать как право несовершеннолетнего подвергнуться претерпеванию неблагоприятных мер юридической ответственности? Дополнительным аргументом против конструкции «детской обязанности» в сфере семьи является соображение о ее декларативном характере. Однако, во-первых, законодатель отнюдь не избегает деклараций, впрямую не подкрепленных санкциями, например: «Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи...» (п. 3 ст. 31 СК РФ). Во-вторых, зарубежные законодатели употребляют в тексте семейного закона нравственные конструкты в отношениях родителей и детей отнюдь не чужаются. Например, нормы СК Болгарии призывают детей уважать своих родителей, бабушку и бабушку и помогать им (ст. 69–70); правило ст. 1619 Гражданского уложения Германии сообщает детям, что они должны посильным способом помогать родителям в домашнем хозяйстве и их делах, и т. д. [28, с. 27–28]. При этом психологически обоснованное включение детей в систему юридически закрепленных прав и обязанностей внутри семьи является не только инструментом упорядочения соответствующих разделов законодательства, но и поддерживает решающую роль семьи в правовой социализации детей [29, с. 5–7]. Следовательно, реализация детьми тех элементов дееспособности, которые связаны с семейным функционированием, – одно из ключевых средств их взросления, подготовки к преодолению трудностей взрослого пути [30, с. 27–29].

5. Заключение

Конструкция правосубъектности ребенка, независимо от ее отраслевой принадлежности, предполагает как «пассивный» компонент (в образе правоспособности), так и активный (дееспособность). Объемы того и другого существенно разнятся по критерию возраста. При этом межотраслевого единодушия в этом вопросе нет. Как правило, минимальный возрастной барьер не определен. Полагаем это оправданным, поскольку позволяет правоприменителю учесть индивидуальные особенности ребенка и специфику ситуации. В то же время последующие возрастные градации целесообразно подвергнуть дополнительной аналитике, в том числе на основе

данных психологической доктрины, согласно которым 10-летний возраст не является достаточным для принятия юридически значимых решений (это касается как семейного, так и образовательного законодательства); скорее данному критерию отвечает возрастная группа с 12 лет. Не является обоснованной и дифференциация внутри возрастной группы 14–16 лет. Полагаем, что цивилистическое представление о частичной дееспособности несовершеннолетнего (с 14 лет) и допущение его эмансипации (с 16 лет) может быть принято за основу нормативных решений. Это их гармонизирует и не нанесет урона суверенности отраслей российского права и законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Letova N. Legal status of a child in family legislation of the Russian Federation and CIS: comparative legal analysis / N. Letova, I. Kozhokar // *Russian Law Journal*. – 2019. – Vol. 7, iss. 3. – P. 82–106. – DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-3-82-106.
2. Нечаева А. М. Защита семейных прав ребенка и охрана его детства / А. М. Нечаева // *Государство и право*. – 2018. – № 7. – С. 91–98. – DOI: 10.31857/S013207690000225-9.
3. Tarusina N. European experience and national traditions in Russian family law / N. Tarusina // *Russian Law Journal*. – 2015. – Vol. III, iss. 2. – P. 97–108. – DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-2-97-108.
4. Tarusina N. Russian family legislation: revolution, counter-revolution, evolution / N. Tarusina, E. Isaeva // *BRICS Law Journal*. – 2017. – Vol. 4, iss. 4. – P. 65–92.
5. Темникова Н. А. Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка / Н. А. Темникова // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2010. – № 2 (23). – С. 82–89.
6. Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка / Н. И. Беседкина // *Государство и право*. – 2006. – № 4. – С. 54–60.
7. Невзгодина Е. Л. Представительство. Гражданско-правовой аспект / Е. Л. Невзгодина. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. – 552 с.
8. Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях / А. Е. Тарасова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 320 с.
9. Зайцева А. М. Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности / А. М. Зайцева // *Конституционное и муниципальное право*. – 2012. – № 10. – С. 17–25.
10. Конституционное право : университет. курс : в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – М. : Проспект, 2016. – Т. II. – 480 с.
11. Евстифеев Д. М. Правосубъектность малолетних и несовершеннолетних лиц как элемент конституционного статуса личности // *Вопросы управления*. – 2014. – № 3. – С. 219–225.
12. Ситкова О. Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничение в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию // *Семейное и жилищное право*. – 2021. – № 1. – С. 27–30. – DOI: 10.18572/1999-477X-2021-1-27-30.
13. Иванова К. А. Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности / К. А. Иванова, М. Ж. Мылтыкбаев // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 80–93. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).80-93.
14. Нудненко Л. А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации / Л. А. Нудненко // *Конституционное и муниципальное право*. – 2019. – № 9. – С. 52–55.
15. Саленко А. В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» / А. В. Саленко // *Журнал российского права*. – 2019. – № 8. – С. 48–61. – DOI: 10.12737/jrl.2019.8.5.

16. Hart R. A. Children's participation: from tokenism to citizenship / R. A. Hart. – Florence : UNICEF International Child Development Centre, 1992. – 39 p. – (Innocenti Essays; No. 4).
17. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28.
18. Симонова С. В. Информационная безопасность несовершеннолетних в цифровой среде: материально-правовые и процессуальные аспекты / С. В. Симонова // Социально-юридическая тетрадь. – 2020. – № 10. – С. 26–37.
19. Лушников А. М. Трудовое право / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Проспект, 2021. – 768 с. – DOI: 10.31085/9785392335213-2021-768.
20. Kravchuk N. The child's Right to Express his/her Views in the Context of Russian Culture and Democracy / N. Kravchuk // Russian Law Journal. – 2014. – Vol. II, iss. 3. – P. 23–48.
21. Осокина Г. Л. Курс Гражданского судопроизводства России / Г. Л. Осокина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 616 с.
22. Ионова Д. Ю. Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет / Д. Ю. Ионова, С. К. Казиханова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 8. – С. 42–48.
23. Ошевский Д. С. Клинико-психологические аспекты экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых / Д. С. Ошевский, С. А. Терехина, Е. Г. Дозорцева, В. Д. Бадмаева, И. А. Чибисова, К. В. Сыроквашина, Н. А. Александрова // Психология и право. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 226–239. – DOI: 10.17759/psylaw.2018080316.
24. Смирнова А. Р. Ответственность как высшая психическая функция личности (на примере концепции Л.С. Выготского) / А. Р. Смирнова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 1–10. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN220.pdf>.
25. Viljoen J. L. Competence to waive interrogation rights and adjudicative competence in adolescent defendants: Cognitive development, attorney contact, and psychological symptoms / J. L. Viljoen, R. Roesch // Law and Human Behavior. – 2005. – Vol. 29, no. 6. – P. 723–742. – DOI: 10.1007/s10979-005-7978-y.
26. Эльконин Д. Б. Введение в детскую психологию / Д. Б. Эльконин // Эльконин Д. Б. Избр. психол. тр. / Д. Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1989. – С. 26–60.
27. Иоффе О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М., 1965. – Т. 3. – 495 с.
28. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран / Н. А. Матвеева // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 6. – С. 25–28. – DOI: 10.18572/1999-477X-2020-6-25-28.
29. Борисова С. Е. Правовая социализация личности как феномен правовой психологии / С. Е. Борисова // Психология и право. – 2016. – Т. 6, № 4. – С. 5–15. – DOI: 10.17759/psylaw.2016060402.
30. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры / Н. Н. Тарусина // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 10. – С. 17–32. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

REFERENCES

1. Letova N., Kozhokar I. Legal status of a child in family legislation of the Russian Federation and CIS: comparative legal analysis. *Russian Law Journal*, 2019, vol. 7, iss. 3, pp. 82–106. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-3-82-106.
2. Nechaeva A. Protection of family rights of the child and protection of his childhood. *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 7, pp. 91–98. DOI: 10.31857/S013207690000225-9. (In Russ.).
3. Tarusina N. European experience and national traditions in Russian family law. *Russian Law Journal*, 2015, vol. III, iss. 2, pp. 97–108. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-2-97-108.
4. Tarusina N., Isaeva E. Russian family legislation: revolution, counter-revolution, evolution. *BRICS Law Journal*, 2017, vol. 4, iss. 4, pp. 65–92.
5. Temnikova N.A. Determination and classification of family personal non-property rights of the child. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2010, no. 2 (23), pp. 82–89. (In Russ.).
6. Besedkina N.I. Rights of the unborn child. *Gosudarstvo i pravo*, 2006, no. 4, pp. 54–60. (In Russ.).
7. Nevzgodina E.L. *Representation. Civil law aspect*. Omsk, Omsk State University Publ., 2007. 552 p. (In Russ.).

8. Tarasova A.E. *Legal personality of citizens. Features of the legal personality of minors, their manifestation in civil relations*, Monograph. Moscow, Walters Kluver Publ., 2008. 320 p. (In Russ.).
9. Zajceva A.M. Beginning of human life as a boundary of the constitutional legal capacity. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2012, no. 10, pp. 17–25. (In Russ.).
10. Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law*, university course, in 2 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2016. Vol. II. 480 p. (In Russ.).
11. Evstifeev D.M. Legal personality of minors as an element of the constitutional status of individuals. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2014, no. 3, pp. 219–225. (In Russ.).
12. Sitkova O.Yu. The Legal Nature of the Child's Right to Access Information and the Restriction Thereof to Protect a Child Against Information Detrimental to the Mental Health and Development of Minors. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2021, no. 1, pp. 27–30. DOI: 10.18572/1999-477H-2021-1-27-30. (In Russ.).
13. Ivanova K.A., Myltykbaev M.Zh. The freedom of speech and right of access to information in the emerging system of international information security. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 80–93. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).80-93. (In Russ.).
14. Nudnenko L.A. Tendencies of the development of human constitutional rights and freedoms on the modern stage of the development of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 9, pp. 52–55. (In Russ.).
15. Salenko A.V. Freedom of peaceful assembly: “children’s meetings” and “adult sanctions”. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 48–61. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.5. (In Russ.).
16. Hart R.A. *Children’s participation: from tokenism to citizenship*, Innocenti Essays; No. 4. Florence, UNICEF International Child Development Centre Publ., 1992. 39 p.
17. Avakyan S.A. The information space of knowledge, digital world and constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 7, pp. 23–28. (In Russ.).
18. Simonova S.V. Children’s cyber security: substantive and procedural aspects. *Sotsial'no-yuridicheskaya tetrad'*, 2020, no. 10, pp. 26–37. (In Russ.).
19. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. *Labor law*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 768 p. DOI: 10.31085/9785392335213-2021-768. (In Russ.).
20. Kravchuk N. The right of the child to express their views in the context of Russian culture and democracy. *Russian Law Journal*, 2014, vol. II, iss. 3, pp. 23–48.
21. Osokina G.L. *Course of Civil Procedure of Russia*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002. 616 p. (In Russ.).
22. Ionova D.Yu., Kazikhanova S.K. Actual problems of judicial protection of the rights of minors under the age of fourteen. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 8, pp. 42–48. (In Russ.).
23. Oshevsky D.S., Terekhina S.A., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Chibisova I.A., Syrokvashina K.V., Aleksandrova N.A. Clinical and psychological aspects of the expert evaluation of competency to stand trial in juvenile offenders. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 226–239. DOI: 10.17759/psylaw.2018080316. (In Russ.).
24. Smirnova A.R. Responsibility as the highest mental function of personality on the example of the concept of L.S. Vygotsky. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 2, pp. 1–10, available at: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN220.pdf>. (In Russ.).
25. Viljoen J.L., Roesch R. Competence to waive interrogation rights and adjudicative competence in adolescent defendants: Cognitive development, attorney contact, and psychological symptoms. *Law and Human Behavior*, 2005, vol. 29, no. 6, pp. 723–742. DOI: 10.1007/s10979-005-7978-y.
26. Elkonin D.B. Introduction to child psychology, in: Elkonin D.B. *Selected psychological works*, Moscow, Pedagogika Publ., 1989, pp. 26–60. (In Russ.).
27. Ioffe O.S. *Soviet civil law*, vol. 3. Moscow, 1965. 495 p. (In Russ.).
28. Matveeva N.A. The Institution of Child’s Obligations in Laws of Foreign Countries. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2020, no. 6, pp. 25–28. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-6-25-28. (In Russ.).
29. Borisova S.E. Legal socialization of personality. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.17759/psylaw.2016060402. (In Russ.).

30. Tarusina N.N. Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years. *Lex russica*, 2022, vol. 75, no. 10, pp. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID: 0000-0001-8827-5532
ResearcherID: S-3971-2016
SPIN-код РИНЦ: 5565-5523

Конева Елена Витальевна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: ev-kov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6981-0341
ResearcherID: ABG-7496-2021
SPIN-код РИНЦ: 4684-1926

Симонова Снежана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9960-911X
SPIN-код РИНЦ: 4107-9869

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тарусина Н.Н. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения / Н.Н. Тарусина, Е.В. Конева, С.В. Симонова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 155–164. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nadezhda N. Tarusina – PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of Social and Family Legislation P.G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID: 0000-0001-8827-5532
ResearcherID: S-3971-2016
RCSI SPIN-code: 5565-5523

Elena V. Koneva – Doctor of Psychology, Associate Professor; Head, Department of General Psychology P.G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: ev-kov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6981-0341
ResearcherID: ABG-7496-2021
RCSI SPIN-code: 4684-1926

Snezhana V. Simonova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Social and Family Legislation P.G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9960-911X
RCSI SPIN-code: 4107-9869

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tarusina N.N., Koneva E.V., Simonova S.V. Child's legal personality: actualization of opportunities and their limitations. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 155–164. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164. (In Russ.).